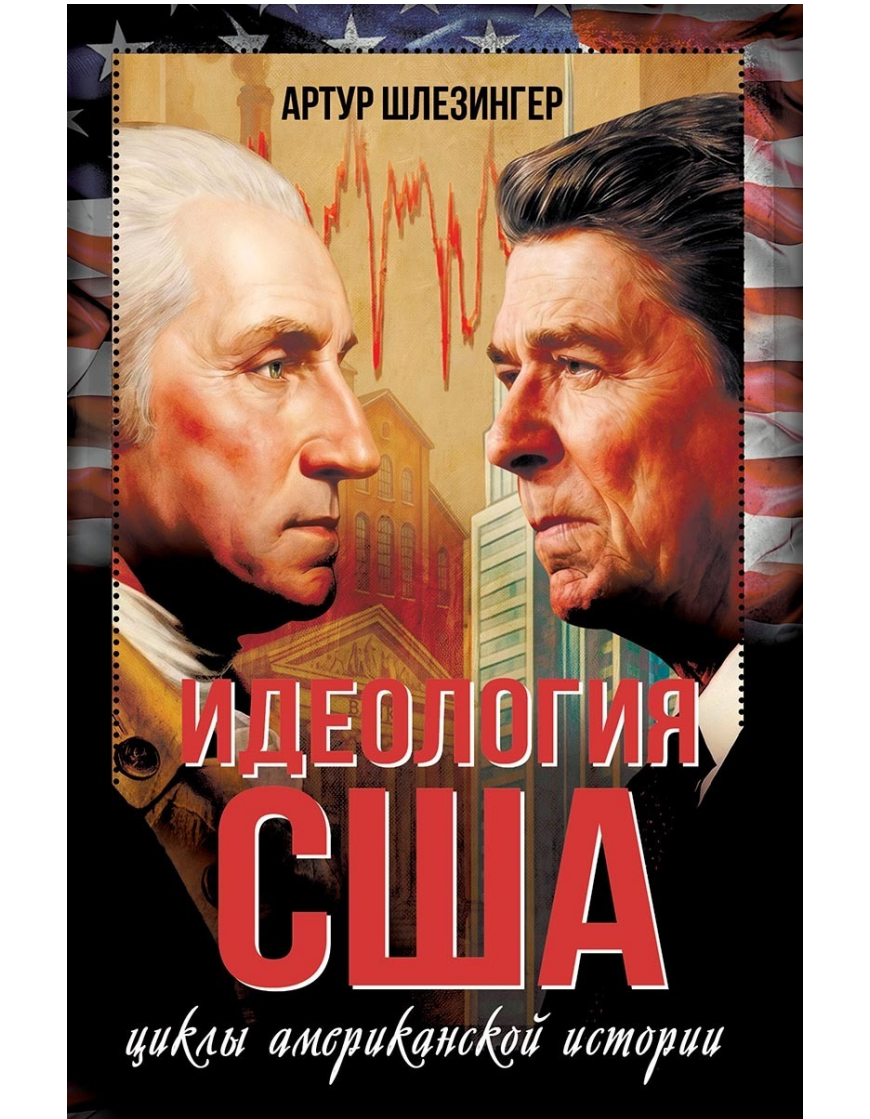

АРТУР ШЛЕЗИНГЕР

ИДЕОЛОГИЯ США

циклы американской истории

Артур Шлезингер
Идеология США. Циклы
американской истории
Серия «Весь мир»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74389416

Идеология США. Циклы американской истории: Родина; Москва; 2026

ISBN 978-5-00269-555-3

Аннотация

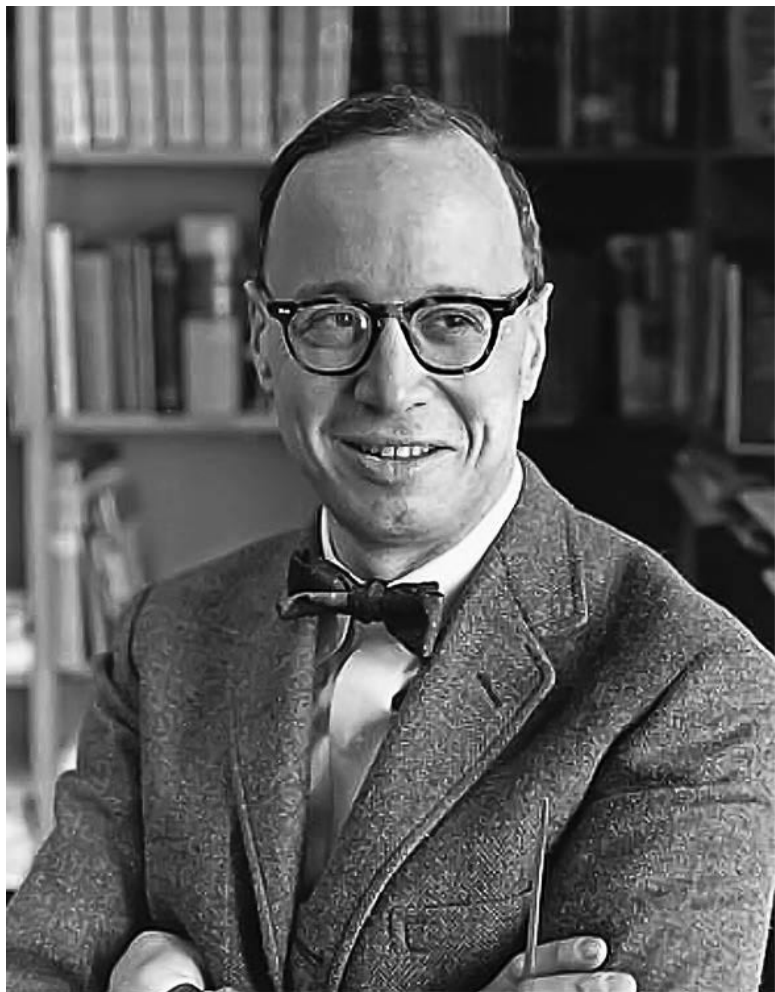
Артур Шлезингер (1917 – 2007) – выдающийся американский писатель и политик, советник президента Джона Кеннеди, один из главных идеологов США в XX веке. Трижды лауреат Пулитцеровской премии, иностранный член Российской академии наук. «Не спрашивай, что страна может сделать для тебя, спроси, что ты можешь сделать для страны», – это его слова. В этой книге, которая получила мировой резонанс, а для США стала культовой, профессор Шлезингер осмыслил вехи истории и идеологии Соединенных Штатов. Что такое демократия по-американски? Какие ценности важны для США? Как Америка стремится к мировой гегемонии? Как в США сочетаются либерализм и консерватизм? Как Америка победила в Холодной войне? Как Вашингтон стал преемником Древнего Рима? Это увлекательное исследование показывает, на чем

держится современная Америка, какие задачи перед собой ставит, какие проблемы испытывает.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1. Теория Америки: эксперимент или предначертание свыше?	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Артур Шлезингер

Артур Шлезингер
Идеология США. Циклы
американской истории

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава 1. Теория Америки: эксперимент или предначертание свыше?

В год двухсотлетия независимости Америки, почти через два столетия после того, как Кревекер озадачил всех своим вопросом, американский индеец, писавший на тему «Североамериканец» в журнале, адресованном черным американцам, сделал вывод: «В настоящее время никто в действительности не знает, что такое Америка на самом деле». Несомненно, ни у какого другого исследователя нет большего права размышлять над этой сохраняющейся и по сей день тайной, чем у потомка коренных обитателей Америки. Несомненно, ни у каких других читателей нет большего права разделять его недоумение, чем у потомков рабов. Да и окончательной разгадки этой тайны тоже нет. Нет разрешения загадки в последней главе; нет никакой последней главы. Лучшее, что может делать толкователь, – это изучать узор на ковре, обязательно осознавая при этом, что другие толкователи выявят там другие фигуры.

Джордж Вашингтон.

Американский ковер весьма пестр. Две нити, которые переплелись с того самого времени, когда англоговорящие белые впервые вторглись на западный континент, ведут каждая свою тему, пребывая в неухающем противоборстве относительно того, в чем смысл Америки. Истоки обеих тем лежат в нравственных установках кальвинизма. Обе темы в дальнейшем были обновлены светскими дополнениями. Обе нашли себе место в разуме американца и на протяжении американской истории борются за обладание им. Их соперничество, несомненно, будет продолжаться до тех пор, пока существует нация.

Я назову одну тему традицией, а другую – контртрадицией, тем самым сразу выдавая свои собственные пристрастия. Другие историки могут поменять их местами. Я не стал бы особенно спорить насчет этого. Пусть они демонстрируют свои собственные пристрастия. В любом случае традиция – в том смысле, который вкладываю я, – первоначально вышла из недр исторического христианства в толковании св. Августина и Кальвина. Кальвинистское учение по духу своему было пропитано убеждением в испорченности человека, в ужасающей непрочности человеческого бытия, в суетности всех дел простых смертных, находящихся под судом беспощадного и грозного божества. Гарриет Бичер-Стоу вспоминала об этой атмосфере в романе «Олдтаунские старожители».

лы». «Основой основ жизни... в Новой Англии была глубокая, невыразимая и потому молчаливая грусть, при которой само существование человека рассматривалось как ужасный риск и, применительно к огромному большинству людей, как невообразимое несчастье». «От природы люди, – стал Джонатан Эдвардз, – держатся в руке Божьей над адской пропастью... Дьявол поджидает их, ад разверзается перед ними, языки пламени вспыхивают и пляшут вокруг них и вот-вот охватят и пожрут их; огонь, сокрытый в их собственных сердцах, рвется наружу... Вам не на чем стоять и не за что ухватиться; между вами и адом нет ничего, кроме воздуха». Для живущих в XX в. все это звучит мелодраматично. Возможно, мы, современные люди, можем легче воспринять это как метафоричное изложение того, что сторонники идеи умершего Бога называют экзистенциальным кризисом.

Столь ужасное чувство незащищенности человеческого существования превращало всю жизнь в бесконечную и неумолимую череду испытаний. «Мы должны считать себя, – заявил Уильяме Стауфтон, верховный судья, приговоривший к казни „сейлемских ведьм“, – проходящими торжественное божественное испытание; это был и есть испытательный срок для всего нашего народа. Это было и есть время и срок священного испытания для нас».

Так было всегда и для всего народа. Большинство не выдержало испытания. Были ли американские колонисты неподвластны всеобщему закону? В этом вопросе кальви-

нистская идея «истории, направляемой Провидением», – «провиденческой истории» – противоречила тезису об американской исключительности. Согласно взглядам пуритан на окружающий мир, писал Перри Миллер, «Богу не присущи причуды и капризы. В каждый данный момент он одинаково всемогущ, поэтому в определенном смысле каждое отдельно взятое событие не менее значимо, чем любое другое». Эта сторона кальвинистского мировоззрения приближалась к точке зрения, высказанной в XIX в. лютеранином Ранке, согласно которой «каждая эпоха непосредственно находится в руках Божьих».

Согласно «провиденческой истории», все мирские сообщества конечны и проблематичны; все они процветали и увядали, все имели начало и конец. У христиан эта идея нашла классическое выражение в великой попытке св. Августина разрешить проблему упадка и падения Рима, – проблеме, которая больше, чем какая бы то ни было другая, занимала умы серьезных западных историков на протяжении тринадцати веков после появления «Града Божьего». Эта одержимость стремлением постичь смысл классической катастрофы обеспечила связующее звено между церковным и светским взглядами в американских колониях – между американцами XVII в., читавшими писания отцов христианства, и американцами XVIII в., читавшими Полибия, Плутарха, Цицерона, Саллюстия и Тацита.

Ко времени прибытия революционеров в Филадельфию

в 1776 г. религиозный пыл кальвинизма сильно поугас. Ад выродился в ругательство, идею первородного греха, от которой еще не отказались и которую стали понимать, как и все остальное, в светском смысле. И все же для отцов-основателей республики, как и для отцов церкви, история Рима осталась, по выражению Ярослава Пеликана, «учебником, к которому надлежало обращаться за наставлением относительно хода людских дел, развития свободы и судьбы деспотизма». Имея различные исходные позиции, кальвинисты и классицисты, сторонники идей Просвещения, пришли к схожим выводам относительно уязвимости человеческих устремлений.

Античный опыт не давал покоя воображению федералистов. Поэма Роберта Фроста, где воспевается «слава очередного века Августа... Золотой век поэзии и власти», получила бы более широкое понимание на вступление в должность Джорджа Вашингтона, а не Джона Кеннеди. Отцы-основатели затеяли необыкновенное предприятие, имя которому – республика. Чтобы ориентироваться в этом полном опасностей путешествии, они вглядывались сквозь толщу времен в опыт Греции и особенно Рима, который они считали благороднейшим достижением свободных людей, стремившихся к самоуправлению. «Римская республика, – писал Александр Гамильтон в „Федералисте“, – достигла высочайших вершин человеческого величия». Пребывая в данном убеждении, первое поколение граждан американской республи-

ки назвало верхнюю палату своего законодательного органа сенатом; поставило под величайшим политическим трудом своего времени подпись «Публий»; изваяло своих героев в тогах; назвало новые населенные пункты Римом и Афинами, Утикой, Итакой и Сиракузами; организовало общество «Цинцинната» и посадило молодежь за изучение латинских текстов. «Замучили, не обучая ничему иному, кроме классики, классики и классики!» – жаловался Эдмунд Троубридж. (Вследствие столь еретического отношения Дана не получил свой диплом бакалавра искусств, который был выдан ему посмертно в 1879 году, правда датированный учебным курсом 1799 года.)

Данная параллель обладала убедительностью. Альфред Норт Уайтхэд позднее сказал, что век Августа и составление американской Конституции были теми двумя случаями, «когда народ у власти свершил то, что требовалось, настолько хорошо, насколько возможно это представить». В этом заключалось также и предостережение, поскольку величие, воплощенное в Риме, обернулось бесславным концом. Могли ли Соединенные Штаты Америки надеяться на лучшее?

II

Памятник отцам-основателям США.

Отцы-основатели страстно штудировали труды классических историков в поисках способов избежать классической судьбы. Трудно преувеличить азарт, с которым велись эти поиски, или значимость, придававшуюся ими тому, что они находили в древних текстах. Томас Джефферсон считал Тацита «первым, вне всякого исключения, писателем мира. Его книга – это свод истории и морали, другого такого образца мы не знаем». «Жить, не имея под рукой того или ино-

го сочинения Цицерона и Тацита, – говорил Джон Куинси Адамс, – для меня все равно что лишиться какой-либо части тела». Как выразился Уильям Смит Шоу, двоюродный брат Адамса, «сочинения Тацита демонстрируют слабость приходящей в упадок империи и моральные качества эпохи вырождения... Они должны стать предметом глубоких размышлений для всех государственных деятелей, желающих привести свою страну к славе, сохранить ее в ее мощи или уберечь от краха». Сочинения Полибия считались почти столь же важными – за выявленный им цикл рождения, роста и упадка применительно к судьбе государств и за намеки на идею о смешанной конституции с балансом властей, за что отцы-основатели ухватились как за панацею.

Углубленное усвоение классики укрепило кальвинистское убеждение в том, что жизнь – это ужасный риск и что Америке отпущен испытательный срок, поскольку античная история не давала примеров неизбежности прогресса. Она учила, что республики гибнут, слава преходяща, а дела человеческие ненадежны. Традиционное подчеркивание того, что все мы вышли из философии Джона Локка, маскирует более мрачную линию в спектре мыслей отцов-основателей, на которую недавно обратил внимание Дж. Дж. Э. Покок, – линию классического республиканизма и гражданского гуманизма, ведущую от «Рассуждений на первую декаду Тита Ливия» Макиавелли через Харрингтона, английскую аграрную партию и Монтескье к конституционному конвенту. Эта

традиция утверждает, что все республики существовали и гибли из-за собственной добродетели и что в конечном счете власть и роскошь неизбежно вели к загниванию и упадку. «Макиавеллиевский момент», согласно Пококу, – это момент, когда перед той или иной республикой встает вопрос ее собственной гибели.

Осознание того, что республики не вечны, владело собравшимися в Филадельфии в 1787 г. Не только человек уязвим вследствие своей предрасположенности к греху, но и республики уязвимы вследствие своей предрасположенности к загниванию, порче. История показала, что в непрекращающейся битве между порчей и добродетелью порча всегда, по крайней мере до 1776 г., одерживала верх. «Отнюдь не просто донести до сознания людей сегодня, – писал сэр Генри Мэйн в 1885 г., – насколько низко упало доверие к республикам накануне создания Соединенных Штатов». Авторы «Федералиста» были «глубоко обеспокоены неудачами и дурной репутацией единственной формы правления, которая была возможна для них».

Отцы-основатели были твердо убеждены, что предпринимают нечто невероятное. Преимущества, которыми они располагали, были обусловлены, с их точки зрения, благоприятными географическими и демографическими моментами, а не божественным вмешательством. Бенджамин Франклин объяснял неизбежность независимости Америки такими прозаическими факторами, как рост населения и сво-

бодные земли, но отнюдь не замыслом Провидения. Однако эти преимущества вряд ли могли коренным образом изменить человеческую натуру. «Тенденция такова, что намечается отход от республиканского стандарта, – заявил Гамильтон на ратификационной конвенции в Нью-Йорке. – Такова реальная предрасположенность человеческой природы». Да и история не давала большой надежды. «У каждой республики во все времена, – говорил Гамильтон (с неизменной классической аналогией), – были свои Каталины и свои Цезари... Если у нас в Соединенных Штатах есть Цезарь в зародыше, то это Бэрр». Джефферсон и Джон Адамс, несомненно, считали таковым Гамильтона.

Если не считаться с Гамильтоном, видя в нем подверженного перепадам настроения пессимиста или же недовольного настоящим авантюриста, то следует отметить, что и его великие противники не всегда высказывались более оптимистично относительно будущего республики. «Коммерция, роскошь и алчность приводили к гибели каждое республиканское правительство, – писал Адамс Бенджамину Рашу в 1808 году. – Мы, смертные, не можем творить чудеса; мы ведем тщетную борьбу с заданностью и направлением движения природы». «Я содрогаюсь от страха за свою страну, – сказал Джефферсон в 80-е годы XVIII в., – когда я осознаю, что Бог справедлив».

Хотя в тот момент он содрогался – правильно и провидчески – по поводу проблемы рабства, в 90-е годы он также

хронически содрогался по поводу маловероятной перспективы «монархии». В 1798 г. он считал, что законы о натурализации и измене в перспективе приведут штаты «к революции и крови и дадут повод для новой клеветы против республиканского правительства и новые предлоги для тех, кто хочет убедить нас в том, что человеком нельзя управлять ничем, кроме как железной рукой». Став президентом, Джефферсон теперь уже содрогался, впадая в панику по поводу туманных мечтаний Аарона Бэрра, этого эмбриона, все стремящегося и стремящегося стать Цезарем. Заботясь о грядущем поколении, Уильям Уирт спрашивал в 1809 г.: «Может ли кто-нибудь, способный оценить состояние общественной добродетели в этой стране..., верить, что эта конфедеративная республика будет существовать вечно?»

III

Эта всепроникающая неуверенность в себе, это острое ощущение ненадежности существования нации подпитывались европейскими оценками американских перспектив, поскольку влиятельные европейцы рассматривали новый мир не как идиллическое воплощение счастья в духе Локка – «вначале весь мир был Америкой», – но как зрелище отвратительного вырождения.

В середине XVIII в. знаменитый Жорж Бюффон придал научный вес предположению, что жизнь в Западном полу-

шарии осуждена на биологическую неполноценность.

Американские животные, писал он, мельче и слабее; европейские животные после перевозки через Атлантику хирели, за исключением, как уточнял Бюффон, свиньи, которой там повезло. Что касается туземцев этого дурного континента, то они тоже были малы ростом и слабы, пассивны и отсталы. Вскоре аббат де По обратил псевдонауку Бюффона в издевательский спор. Гораций Уолпол сделал неизбежный вывод: «Бюффон говорит, что европейские животные вырождаются на той стороне Атлантики; возможно, та же беда случается и с тамошними обитателями-мигрантами». Как изложил все это Уильям Робертсон, королевский историограф Шотландии, в своей широко распространенной «Истории Америки», опубликованной через год после принятия Декларации независимости, «те же свойства климата Америки, которые мешали росту... местных животных, оказались пагубными для тех, кто эмигрировал туда добровольно». В Великобритании Оливер Голдсмит изображал Америку серой и мрачной страной, где не лают собаки и не поют птицы.

Никто не высказывал эту идею в такой раздражающей форме, как аббат Рейналь во Франции. Бюффон, по заключению Джефферсона, не утверждал определенно, что европейцы в Америке вырождаются. «У него действительно остается один шаг до такого утверждения, но тут он останавливается. Аббат Рейналь единственный, кто сделал такой шаг». В популярной книге Рейналя «Философская и политическая

история поселений и торговли европейцев в обеих Индиях», появившейся в 1770 г. и много раз переиздававшейся, объяснялось, какая угроза европейской невинности исходит от американской порочности. Америка, писал Рейналь, «изливает на Европу целые потоки разложения». Поиски богатств в Америке сделали вторгшегося туда европейца зверем. Климат и почва Америки способствовали тому, что европейские виды как человека, так и животных ухудшились. «Мужчины обладают меньшей силой и меньшей храбростью... и маловосприимчивы к живому и могучему чувству любви» – данное замечание, возможно, изобличило Рейналя как более француза, нежели аббата. «Позвольте мне остановиться на этом, – писал Рейналь, подводя итоги, – и представить нас как бы существующими в то время, когда об Америке и Индии не знали. Предположим, что я сам обратился к самому жестокосердному из европейцев со следующим предложением. Существуют края, которые обеспечат тебя драгоценными металлами, хорошей одеждой и вкусной пищей. Но прочти эту историю и посмотри, какую цену придется тебе заплатить за их открытие. Хочешь ли ты, чтобы оно состоялось? Можно ли представить, что есть на свете существо настолько дьявольское, чтобы ответить на этот вопрос утвердительно?! И запомните, что никогда не наступят времена, когда мой вопрос не будет столь же актуален».

После провозглашения Декларации независимости Рейналь посыпал соль на рану. Путешествуя из Парижа в Жене-

ву, он проезжал через Лион. Местная академия, извещенная о его пребывании, сделала его своим членом. В ответ Рейналь учредил премию в 1200 франков, которую Лионская академия должна была присудить за лучшее сочинение на захватывающую тему. «Явилось ли открытие Америки благословением или проклятием для человечества? Если это благословение, то каким образом нам следует сохранять и приумножать вытекающие из него блага?

Если это проклятие, то каким образом нам исправить причиненный им вред?»

Отцы-основатели, как и следовало ожидать, не остались равнодушны к предположению, что открытие Америки – это ошибка. Франклина, который считал Рейналя «невежественным и злонамеренным писателем», пришлось во время данного им в Париже обеда терпеливо выслушать монолог аббата-обидчика насчет неполноценности американцев. «Давайте проясним этот вопрос доступными нам средствами», – сказал Франклин, попросив гостей встать спиной друг к другу и померяться ростом.

«Среди американцев не оказалось ни единого, – писал Джефферсон, присутствовавший там, – кто не смог бы выкинуть в окно одного, а то и сразу двух из числа остальных гостей». Сам Джефферсон в своих «Заметках о Вирджинии» посвятил пространные пассажи опровержению взглядов Бюффона на животный мир Америки и Рейналя – на людей. Европейцы, которыми «восхищаются как глубокомыс-

ленными философами, – с возмущением писал Гамильтон в „Федералисте“, – всерьез утверждают, что все животные, а вместе с ними и человеческие виды в Америке вырождаются, что даже собаки, подышав немного нашей атмосферой, перестают лаять». В борьбу включился Томас Пейн, а Джон Адамс в своей «Защите Конституции Соединенных Штатов» выразил удовлетворение тем, как Пейн «разоблачил ошибки Рейналя, а Джефферсон – Бюффона, столь нефилософски заимствованные из недостойных фантазий де По». Несмотря на энергичный отпор со стороны отцов-основателей, само содержание нападок вряд ли могло укрепить их уверенность в перспективах затеянного ими. Выразившиеся европейцами сомнения наряду с кальвинистским взглядом на мир и макиавеллиевским влиянием заставляли их остро осознавать рискованность этого необычайного предприятия. Судьба греческих городов-государств и падение Римской империи окрашивали в мрачные тона будущее Американской республики. Ее основатели не питали никаких иллюзий насчет неподвластности Америки историческим законам, считая все государства, включая американское, находящимися во власти истории, точно так же, как последовательный кальвинист должен был считать все государства находящимися в руках Божьих. «Разве недостаточно нам было видеть, – писал Гамильтон, – ошибочность и неразумность тех пустых теорий, которые тешили нас обещаниями избавления от несовершенств, пороков и зол, присущих обществу

во всех формах? Разве не время пробудиться от обманчивой мечты о золотом веке и принять в качестве практического принципа, определяющего направление нашего политического поведения, что мы, так же как и другие обитатели земного шара, все еще далеки от светлого царства совершенной мудрости и совершенной добродетели?»

IV

Мы беззаботно применяем выражение «конец невинности» к тому или иному этапу американской истории. Это вполне благозвучная фраза – в тех случаях, когда за ней не скрывается пагубное заблуждение. Сколько раз нация может потерять свою невинность? Никто из людей, воспитанных на Кальвине и Таците, не мог быть очень уж невинным. Ни одна нация, сложившаяся в результате вторжения, завоевания и истребления, не может быть признана невинной. Народ, систематически порабощавший чернокожих и убивавший краснокожих, не может быть невинным. Государство, порожденное революцией, а затем расколотое гражданской войной, не может быть невинным. Конституция США не исходила из того, что люди невинны, даже если эти люди удостоились благодати быть американцами. Конституция была, как хорошо сказал Джеймс Брайс, «творением людей, которые верили в первородный грех и были полны решимости не оставить ни одной двери, которую они имели возмож-

ность закрыть, открытой для нарушителей». Не считали себя отцы-основатели и святыми помазанниками Божьими. Они были смелыми и невозмутимыми реалистами, ввязавшимися вопреки истории и теологии в грандиозную игру. Вот почему Гамильтон уже в третьей фразе первого номера «Федералиста» сформулировал вопрос именно так, а не иначе. Американцы, писал он, имеют возможность «своим поведением и примером решить важный вопрос: действительно ли человеческие сообщества способны устанавливать хорошее правление, опираясь на свои рассуждения и свободу выбора, или же им навсегда суждено в деле своего политического устройства зависеть от случайностей и силы?». В своей первой речи при вступлении в должность Вашингтон так определил предназначение Америки: «Сохранение священного огня свободы и судьба республиканской модели правления справедливо считаются глубочайшим и конечным образом зависящими от эксперимента, доверенного рукам американского народа». Первое поколение независимой Америки, по словам Вудро Вильсона, «смотрело на новое федеральное устройство как на эксперимент и думало, что он, возможно, будет недолговечным».

Отцы-основатели рассматривали Американскую республику не как божественное священнодействие, но как практическое испытание гипотезы вопреки тому, что говорила история. Ведь уже сама вера в этот эксперимент подразумевала отрицание классической республиканской догмы о том, что

с течением времени упадок гарантирован. «Люди, создавшие Конституцию, – писал Генри Адамс, – намеревались с ее помощью поспорить с опытом древности». Они отмени мрачные предчувствия относительно судьбы республики просто как необоснованные.

В своей прощальной речи Вашингтон в противовес макиавеллиевскому тезису выдвинул аргумент о том, что если имеется сомнение, то «пусть опыт разрешит его».

Прислушиваться к спекулятивным рассуждениям в таком деле преступно... Оно вполне заслуживает полного и честного эксперимента». В последнем номере «Федералиста» Гамильтон процитировал Юма относительно трудности создания большого свода общих законов: «Суждения многих должны приходить к единению в процессе работы; опыт должен направлять их труд; время должно... исправлять ошибки, которые они неизбежно будут совершать в процессе своих первых испытаний и экспериментов». Говоря словами Джона П. Диггинса, «в то время как тезис Макиавелли берет за данность, что добродетель может господствовать лишь на протяжении какого-то ограниченного времени и что время в конце концов ставит добродетель под угрозу, тезис федералистов предполагает, что время в основном лечит, а не калечит... Подход Макиавелли полагает данностью то, что течение времени не оставляет надежды, подход Мэдисона – что оно плодотворно».

Таким образом, эксперимент отцов-основателей был спо-

собом избежать мрачной судьбы классических республик. Преемники Вашингтона со смешанным чувством тревоги и надежды периодически докладывали о судьбе этого эксперимента. В своем последнем послании конгрессу Джеймс Мэдисон позволил себе «с гордостью отметить, что американский народ безопасно и успешно пришел к сорокалетию своего существования в качестве независимой нации». Это, по убеждению президентов США, имело значение не только для Америки. «Наши институты, – сказал в своем последнем послании Джеймс Монро, – представляют собой важную веху в истории цивилизованного мира. От сохранения их в первоизданной чистоте будет зависеть все». Вашингтон, сказал Эндрю Джексон в своей площадной речи, рассматривал Конституцию «как эксперимент» и «был готов отдать, если необходимо, жизнь за то, чтобы обеспечить его проведение честно и полностью. Такое испытание состоялось. Успех его превзошел самые смелые надежды его устроителей». И все же Джексон усматривал опасность, грозившую эксперименту, – опасность, заключающуюся прежде всего во «власти тех, у кого деньги», а в еще большей мере – в распаде самого союза, когда хаос, как он считал, может заставить народ «подчиниться абсолютному господству любого военного авантюриста и пожертвовать своей свободой ради покоя».

Тем не менее уверенность – или по меньшей мере деланная уверенность – возрастала. «В текущем году, – заявлял в 1838 г. Мартин Ван Бюрен, – исполняется полвека нашим

федеральным институтам... Американскому союзу выпало испытать преимущества формы правления, полностью зависящей от постоянного осуществления воли народа». «После трех четвертей столетия нашего существования в качестве свободной и независимой республики, – сказал Джеймс Полк в следующем десятилетии, – уже не надо решать вопрос, способен ли человек к самоуправлению. Успех нашей восхитительной системы окончательно опровергает теории тех, кто в других странах утверждает, что „избранное меньшинство“ рождено, чтобы править, и что большинство человечества должно управляться силой».

Война с Мексикой, добавил вскоре Полк, «подтверждает, вне всякого сомнения, что народная представительная форма правления способна справиться с любыми чрезвычайными обстоятельствами». Через шестьдесят лет после принятия Конституции Захария Тейлор провозгласил устройство Соединенных Штатов Америки «самой стабильной и устойчивой формой государственного правления на земле».

Как объяснить этот растущий оптимизм? Частично это была дань признания, достаточно обоснованная, тому, что США выжили; частично – ура-патриотизм и тщеславие, органически присущие нарождающемуся национализму.

Частично это также, несомненно, был призыв, содержащий упрек; не будем отбрасывать то, чего достигли с таким трудом, поскольку президенты того периода, должно быть, нутром чувствовали, что американскому эксперимен-

ту предстоит тяжелейшее внутреннее испытание. Никто не понимал опасности более глубоко, чем молодой человек, выступавший в 1838 г. в молодежном лицее в Спрингфилде, штат Иллинойс, с докладом «Сохранение наших политических институтов». В течение более чем половины столетия, сказал Авраам Линкольн, Америку представляли «как эксперимент с неясным результатом; теперь его считают успешным». Но в успехе таятся опасности для него самого: «Когда добыча в руках, кончается удовольствие от охоты». По мере того как память о революции стирается, столпы храма свободы рушатся. «Этот храм обязательно рухнет, если мы... не заменим их новыми столпами, вытесанными из твердого камня здравого рассудка».

Убеждение в том, что в жизни нет ничего гарантированного, было характерно для президентства Линкольна – именно оно и объясняет его величие. В его первом послании конгрессу был поставлен вопрос, присуща ли всем республикам «врожденная и неизлечимая слабость».

В речи, произнесенной на кладбище в Геттисберге, он охарактеризовал великую гражданскую войну как «испытание» на предмет того, может ли какая-либо нация, рожденная свободной и верящая в то, что все люди сотворены равными, «быть долговечной».

В ранний период республики доминирующей была идея о том, что Америка – это эксперимент, предпринятый вопреки истории, чреватый риском, проблематичный по результатам. Но начала проявляться и контртрадиция. И, как показывает растущий оптимизм сменявшихся президентов, она проявлялась по нарастающей. Контртрадиция также имела свои корни в этической системе кальвинизма.

Исторически христианство включало в себя две непримиримые идеи: что все люди близки, непосредственно соотносятся с Богом и что некоторые из них более близки к нему, чем другие. Вначале, как Кальвин записал в своих «Институциях», Бог «избрал евреев в качестве своего собственного стада»; «обещание спасения... касалось только евреев до того момента, пока стена не была разрушена».

Затем, когда произошло то, что Джонатан Эдвардс назвал «отменой особой божьей заботы о евреях», стена «была разрушена, чтобы открыть путь для более широкого успеха Евангелия». С тех пор избранные люди являлись как бы отобранными из общего числа и отличными от грешников. Со временем идея о святых, которых можно отождествлять с историей, растворилась в трансцендентальное постисторического Града Божьего.

Таким образом, св. Августин заложил наряду с «прови-

денческой историей», историей подъема и упадка мирских сообществ, идею «истории спасения» – о путешествии избранных к спасению за пределы истории. В том веке, когда кальвинисты отправились в Новую Англию, можно было также наблюдать примитивный апокалиптический фанатизм, присущий первым христианам. Колонисты в Новой Англии ощущали себя покинувшими родной дом и очаг по призыву свыше для того, чтобы претерпеть невообразимые лишения и испытания в стране, полной опасностей. Почему они полагали, что призвал их некто важный и по важным причинам? Страдания сами по себе казались им доказательством их некой роли в истории спасения. «Бог заповедал своим людям, – говорил Инкрис Мэзер, – что освященные свыше муки будут их уделом... Обычный способ божественного Провидения – величайшим страданием подготовить к величайшему снисхождению... Вне сомнения, Иисус Христос особенно расположен к этому месту и к этому народу».

Они не только являлись, по словам Джона Уинтропа, как бы «градом на холме», с устремленными к нему взорами всех людей. Дело представлялось так, будто в Новую Англию их послало, по выражению Эдварда Джонсона, чудотворное Провидение, ибо «это то место, где Господь сотворит новое небо и новую землю». «Бог Иисус» вознамерился «сделать своих воинов Новой Англии подлинным чудом этого века». Натаниэль Готорн поведал нам, что в последней проповеди преподобного Артура Диммесдэйла речь шла о «соотноше-

нии между божеством и человеческими сообществами, причем особо говорилось о Новой Англии, которую они насаждают здесь, в диком краю». Но там, где еврейские пророки предвидели крушение своей страны, Диммесдэйл поставил своей задачей «предсказать высокую и благородную судьбу для вновь собравшихся людей Господа». Великий Эдвардс пришел к заключению, что «самая последняя славная эпоха начнется, вероятно, в Америке».

Такое геополитическое уточнение того, где наступит последнее счастливое тысячелетие перед концом света, такое отождествление Нового Иерусалима с конкретным местом и народом было редким даже во времена религиозного фанатизма с его предчувствием Судного дня. «То, что в Англии, Голландии, Германии и Женеве, – писал Сэквен Бэркович, – было априори антитезисом (святость и государственность), в Америке стало сдвоенным столпом уникальной федеральной эсхатологии». Ибо старый мир погряз в несправедливости – еще один позорный эпизод в длинной цепи позора «провиденческой истории».

Тот факт, что Бог хранил от людей Америку так долго – до тех пор пока Реформация не очистила церковь, пока изобретение книгопечатания не распространило Священное писание среди народа, – свидетельствовал о том, что он оберегал эту новую землю для некоего высшего проявления своей благодати. Говоря словами Уинтропа, Бог, повергнув перед нашими глазами все другие церкви, оставил Америку для

тех, кого он наметил избавить от своей всеобщей кары, так же как он однажды послал ковчег для спасения Ноя. Эта новая земля наверняка составная часть, возможно и наивысшее проявление истории спасения. Америка реальное воплощение божественного пророчества.

Обещание спасения, похоже, было переадресовано от евреев к американским колонистам. В XVIII в. это положение, как и идея первородного греха, претерпело процесс секуляризации. Читая в канун революции клубу бостонских адвокатов свою «Диссертацию о каноническом и федеральном праве», Джон Адамс увлекся и произнес широко известную риторическую фразу: «Я всегда с благоговением рассматриваю образование Америки как открытие поля деятельности и замысла Провидения для просвещения невежественных и освобождения поработенной части человечества повсюду на Земле». Поразмыслив, Адамс раскаялся в таком проявлении чувств и перед публикацией документа удалил эту фразу. К началу 80-х годов XVIII в. он пришел к выводу, что «американцы не имеют какого-либо особого предназначения, а их характер такой же, как и у других». Однако Джон Куинси Адамс ухватился за мысль, от которой отказался его отец: «Кто же теперь не видит, что осуществление этого великого дела совершенно не может быть поставлено под сомнение?» А сын Дж. К. Адамса, Чарлз Фрэнсис Адамс, назвал подчеркнутую его дедом фразу «наиболее достойной запоминания».

VI

Обретенная независимость придала новый статус теории Америки как «избранной нации» (Беркович) или «нации-искупительницы» (Э. Л. Тьювсон), которой Всевышний доверил задачу нести свой свет погрязшему в грехах миру.

Преподобный Тимоти Дуайт, внук Джонатана Эдвардса, назвал американцев «этой избранной расой». «Божья благодать в отношении Новой Англии, – писала Гарриет Бичер-Стоу, дочь священника и жена священника, – это предвещение славного будущего Соединенных Штатов, призванных нести свет свободы и религии по всей земле и вплоть до великого Судного дня, когда кончатся войны и весь мир, освобожденный от гнета зла, найдет радость в свете Господа».

Патриотический пыл распространял далеко за рамки евангелической общины идею об американцах как избранном народе, на который возложена священная миссия. Джефферсон считал, что на государственной печати США должны быть изображены чада израилевы, ведомые столпом света. «Здесь заново будет рай расцветать...» – писал Филип Френо, одним из первых утверждая миф об американской невинности.

«Мы, американцы, – писал юный Герман Мелвилл, – особые, избранные люди, мы – Израиль нашего времени; мы

несем ковчег свобод миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих душах. Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас... Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришел политический мессия. Но он пришел в нас».

Вера в то, что американцы избранный народ, не подразумевала уверенного и спокойного продвижения к спасению. Как это вполне ясно было из Библии, избранный народ подвергался суровейшим испытаниям и принимал на себя тяжчайшее бремя. Соперничавшие теории – Америка как эксперимент, Америка как судьба – подтверждали, таким образом, веру в процесс испытания. Но согласно одной из них, проверку проходила деятельность, а согласно другой – религиозная вера. Таким образом, Линкольн и г-жа Стоу, исходя из разных постулатов, сходились во взглядах на Гражданскую войну и божественное предопределение. «Теперь, когда Господь поверг рабство на смерть, – писал в 1865 г. брат г-жи Стоу, Эдвард, – он открыл путь к спасению и освящению всей нашей социальной системы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.